

Буторинъ — казакъ.

(Разсказъ изъ Китайской войны).

19-го іюля 1900 года штабсъ-ротмистръ Булатовичъ въѣхалъ въ городъ Хайларъ, оставленный жителями и китайскими войсками, потерпѣвшими пораженіе при Ончуні 17-го іюля. Радость была неопиcуема. Весьма важный пунктъ, центръ обширной страны, въ которой кочуютъ монголы, въ нашихъ рукахъ. Но ликование было непродолжительно. Дѣло въ томъ, что китайскій начальникъ Чуанъ-До, командовавшій войсками въ Хайларскомъ округѣ, раздѣлил свои войска, отправившись самъ съ главною массою по дорогѣ изъ Хайлара на Абогайтуй, а двухтысячный отрядъ выслалъ по другой дорогѣ на *старый Цурухайтуй. Первая непріятельская

*) Развѣдчикъ для солдатъ 1902 г. № 625).

армія была разбита при Ончуи и ушла, а вторая, узнавъ о пораженіи товарищей, такъ же посѣбно стала отступать на Хайларъ, въ которомъ теперь находился штабъ-ротмистръ Булатовичъ. Столкновение являлось неизбежнымъ, по огромное превосходство силъ было на сторонѣ китайцевъ. Казаки Булатовича заложили въ разныхъ направленіяхъ секреты, которые и дали знать о появленіи непріятеля. Объ удержаніи въ своихъ рукахъ Хайлара не могло быть и рѣчи. Небольшая горсть русскихъ очистила хайларскія желѣзнодорожныя постройки и отошла немного назадъ на холмъ представлявшій весьма выгодную позицію для сѣшенныхъ стрѣлковъ, а коноводы съ лошадьми могли расположиться укрыто въ сосѣдней ямѣ, на днѣ которой было озеро, удобное для водопоя.

Китайцы открыли ожесточенный огонь. Цѣлыя тучи пуль сыпались на обороняющихся, не причиняя особенно большого вреда. Каждый китаецъ выпускалъ сотни патроновъ, однако не примѣняя, какъ слѣдуетъ, прицѣла. Казаки подсмѣивались надъ непріятельскимъ огнемъ, но скоро юморъ ихъ прекратился. На сѣбу ему явилась тяжелая грусть. Одинъ изъ забайкальцевъ былъ убитъ, за нимъ послѣдовалъ другой.

Тихо, безъ похороннаго пѣнія закопали станичники своихъ товарищей въ хайларскій песокъ. Патроновъ у русскихъ немного; лошади утомлены, надо оставить на позиціи.

Среди казаковъ проходитъ тревожный шепотъ. Одинъ изъ секретовъ не вернулся: онъ отрѣзанъ китайцами. Незавѣстно, какая постигла его судьба.

20-го іюля подошелъ на помощь 3-й Верхнеудинскій полкъ съ конной батареей, а затѣмъ и весь Хайларскій отрядъ.

Китайцы бѣжали, городъ снова и теперь окончательно занятъ русскими. А казаковъ, бывшихъ въ секретѣ, нѣтъ какъ нѣтъ. Отрѣзанные китайцами, они раздѣлились, чтобы пробраться какъ нибудь по одиночкѣ. Буторинъ, одинъ изъ казаковъ, высокаго роста, худощавый и съ длиннымъ лицомъ, былъ отличнымъ казакомъ, типичнымъ забайкальцемъ. Неоднократно по торговымъ дѣламъ ходилъ онъ въ степи къ монголамъ, изучалъ ихъ жизнь, нравы и обычаи, наострилъ хорошо говорить по-монгольски. Видитъ онъ что вся долина рѣки Элинъ-гола наполняется китайцами. Легъ онъ въ канаву, набросалъ на себя какой-то соломы и навозу, притихнулъ, будто его и нѣтъ.

Подошла порядочная толпа китайцевъ. Расположились около него (это было на разсвѣтѣ) и начали раскладывать огонь. Буторинъ слышитъ ихъ разговоры. Всѣ члены его тѣла зашумѣли, но онъ не смѣетъ пошевелиться, чтобы не выдать своего присутствія. Вотъ китайцы зарѣзали быка, раздѣлили тушу, разобрали мясо и начали варить пищу. Ароматный запахъ говядины раздражаетъ Буторина, не ѣвшаго уже давно. Въ желудкѣ какъ булыжники ворочаются. До котла съ мясомъ всего нѣсколько шаговъ, а пошевелиться не смѣетъ. Сколько времени пробудутъ тутъ китайцы? Въ состояніи ли онъ будетъ вылежать неподвижно до тѣхъ поръ, пока они уйдутъ? Да и уйдутъ-ли? Жара нестерпимая, а пить нечего. Переливаніе чаю въ чашкахъ у китайцевъ производитъ какое-то томительное, нестерпимое ощущеніе.

Стало прохладнѣе, день склоняется къ вечеру. Голоса китайцевъ замолкли, не слышно ни малѣйшаго шороха. Вѣрно китайцы ушли. Выглянуть? А что, если не ушли? Наконецъ Буторинъ рѣшился, и тихонько почти не шевелясь, выглянулъ изъ своего убѣжища. Дымилась остатки костра, но китайцевъ не было. Вдали виднѣлся ихъ бивакъ. Буторинъ продолжалъ лежать, пока совсѣмъ стемнѣетъ. Казакъ выбрался наружу и вздохнулъ полной грудью. Мелькали огни китайскихъ костровъ. Какой-то гулъ шелъ изъ города Хайлара; повсюду раздавался скрипъ арбъ; темныя массы священныя рошѣ еле вырисовывались на фонѣ неба, покрытаго множествомъ мерцающихъ звѣздъ. Въ воздухѣ тишина. Ночь прекрасна. Только массы комаровъ, удивительно злыхъ и назойливыхъ, не даютъ покоя. Буторинъ поползъ по направленію къ священнымъ рошамъ.

— «Мимо биваковъ-то я пройду», думаетъ онъ: «а вотъ какъ то проползти мимо часовыхъ? Вѣдь ставятъ же они, идолы, передовые посты».

(Окончаніе впереди.)

Буторинъ — казакъ.

(Разсказъ изъ Китайской войны).

(Окончаніе ¹).

Вотъ и цѣпь передовыхъ постовъ. Китаецъ сидитъ на землѣ, спиною къ Буторину, и дремлетъ. Ружье лежитъ въ сторонѣ. Пойти отъ китайца въ сторону, попадешь на другого. Самое безопасное—уложить этого и проскользнуть именно въ мѣстѣ его поста, наиболѣе удаленномъ отъ со-сѣднихъ постовъ; но надобно такъ уложить, чтобы онъ и не пикнулъ и чтобы его товарищи не услышали, иначе пропадать. Потихоньку вытянулъ Буторинъ шашку изъ ноженъ. Надобно такъ споровиться, чтобы не попасть шашкой по кося, свернутой на головѣ китайца въ основательный комокъ. Надобно взять немножко сбоку. Хорошо казакъ намѣтилъ свой ударъ и опустилъ шашку. Какъ пласть повалился часовой, даже и не вздохнулъ.

Отползъ Буторинъ нѣсколько шаговъ и опять замеръ: осмотрѣться, что дѣлается кругомъ. Поползъ дальше. Чѣмъ дальше, тѣмъ легче. Все тише и тише становится говоръ китайскихъ солдатъ и гулъ изъ города. Наконецъ можно встать и двигаться гораздо шибче. Попробовалъ Буторинъ пуститься бѣгомъ, но силъ мало, онъ совершенно слабъ. Вотъ какая-то лужа. Казакъ припалъ къ ней запекшимися устами и утоилъ нестерпимую жажду. Силъ прибавилось, теперь можно уже идти смѣло. Разсвѣло.

Трудно себѣ представить радость Буторина, когда онъ увидѣлъ предъ собою группу русскихъ всадниковъ. Это начальникъ отряда съ нѣсколькими

¹) См. вѣсти Вѣсти. В. Д. за 1908 г. № 9, стран. 287.

казаками опередилъ войска и спѣшилъ къ городу, гдѣ происходитъ бой конницы. Видъ Бугорина былъ ужасный: грязный, босикомъ, безъ шапки, въ рубахѣ и штанахъ, но съ шапкой и винтовкой.

— «А гдѣ же остальные казаки?» спросилъ начальникъ отряда.

— «Не могу знать, ваше превосходительство: какъ раздѣлились, такъ я ихъ больше и не видѣлъ. Однако ѣсть хочется!»

Бугорина накормили. Участъ остальныхъ казаковъ безпокоила весь отрядъ. Въ донесеніи ихъ показали безъ вѣсти пропавшими. Прошло нѣсколько дней. Очевидно они не спаслись и попались въ руки китайцамъ. Но что съ казаками сдѣлалось? Находятся-ли они въ плѣну или уже погибли отъ рукъ безчеловѣчныхъ враговъ?

Стоялъ жаркій день, когда начальникъ отряда осматривалъ мѣстность, окружающую городъ Хайларъ. Приблизились къ большой, весьма нарядной кумирнѣ. Передъ воротами по обыкновенію стояли два высокіе, врытые въ землю столба съ блестящими шарами наверху. Вблизи воротъ находился колодезь съ узкимъ отверстіемъ и прекрасной холодной водой. Всѣ спѣшились. Казакъ взялъ лежавшую около колодца плетенку изъ какихъ-то прутьевъ, замѣнявшую у китайцевъ ведро. На веревкѣ онъ опустилъ плетенку въ колодезь, зачерпнувъ воды, вытащилъ и налилъ въ стоявшую тутъ же колоду. Кони съ жадностью протянули морды и начали пить.

Офицеры вошли во дворъ кумирни. Здѣсь царилъ тишина и запустѣніе. Русскіе сапоги ударали каблуками о плиты каменнаго двора китайскаго храма; шаги гулко раздавались въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Вошли въ храмъ.

Китайскіе боги огромныхъ размѣровъ съ неизмѣннымъ выраженіемъ лицъ глядѣли на пришельцевъ съ высоты своихъ троновъ. На всемъ лежалъ какой-то таинственный, фантастическій отпечатокъ. Кто-то сказалъ, что подъ престоломъ спрятанъ гегенъ, главный священникъ-монголъ, который, будто-бы, ни за что не хотѣлъ покинуть храма.

— Ваше превосходительство! выковырить-бы гегеня оттуда!—сказалъ ординарецъ начальника отряда.

— Что вы, что вы! Богъ съ нимъ совѣмъ, пускай живетъ. Лучше распросить хорошенько того монгола, что остался у воротъ города, да черезъ него посылать гегеню пищу».

Какъ-бы подавленные какимъ-то непріятнымъ чувствомъ всѣ вышли изъ кумирни.

Коня стояли въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, нетерпѣливо пофыркивали и рыли копытами землю. Когда тронулись отъ кумирни, безпокойство коней какъ будто усилилось еще болѣе. Недалеко влѣво поднялась огромная стая сѣрыхъ орловъ. Всадники въѣхали въ священную рошу.

— Орлы прежде жили здѣсь, въ священной рошѣ, — сказалъ кто-то, — а теперь изъ роши повыселились и летаютъ по окрестностямъ».

— Питаются остатками кругомъ биваковъ, да и надалиною.

Переѣзжая черезъ овраги и попесчанымъ холмамъ священной роши, всадники пользовались прохладой отъ тѣни огромныхъ деревьевъ, какъ бы удерживавшихъ своими корнями безконечные пески окрестностей Хайлара. Можетъ быть потому роша и считается священной, что она удерживаетъ распространеніе этихъ песковъ, которые иначе засыпали-бы весь городъ. Царила тишина, роша казалась мрачной.

Черезъ нѣсколько времени обнаружилось, надъ чѣмъ работала стая орловъ. Случайно около кумирни найдены три трупа забайкальскихъ казаковъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Трупы были безъ головъ. Очевидно, они нашли свою смерть тутъ же, недалеко отъ того мѣста, гдѣ китайцы ихъ захватили. Кто знаетъ, что пришлось имъ выстрадать отъ необузданности и жестокосердія врага! Можетъ быть ихъ умерщвленіе сопровождалось религіозными обрядами, такъ какъ все продѣлывалось возлѣ кумирни. Гдѣ ихъ головы? На что онѣ понадобились китайцамъ? Весь отрядъ былъ въ полномъ негодованіи. Въ каждомъ возгорѣлось желаніе при случаѣ отомстить вѣроломнымъ и безсердечнымъ противникамъ. Какъ счастливъ Буторинъ, избѣжавшій участи товарищей.

Прошло нѣсколько дней. Хайларскій отрядъ двинулся впередъ и 1-го августа, въ сраженіи при Якши, разбилъ семитысячный отрядъ китайцевъ подъ начальствомъ генерала Пао. Натѣшили казаки. Потеря у врага была огромная. Забайкальскіе товарищи были отомщены.

Въ это время дошло до свѣдѣнія начальника отряда, что невдалекѣ, верстахъ въ 30—40, находится огромное становище монголовъ. Развѣздъ верхнеудинцевъ доставилъ о нихъ самыя точныя свѣдѣнія. Развѣдчикомъ былъ Буторинъ. Онъ не побоялся одинъ ѣхать къ монголамъ. То, что онъ вытерпѣлъ раньше, и печальная участь его товарищей нисколько его не смутили. Онъ смѣло въѣхалъ въ самую середину и вступилъ съ ними въ разговоръ. Монголы обошлись съ казаками весьма любезно, пригласили отдохнуть, угощали мясомъ, чаемъ, хорошей монгольской водкой, приго-

товляемой изъ молока. Вдругъ одинъ изъ монголовъ сказалъ, обращаясь къ Буторину:

— Вотъ ты пріѣхалъ къ намъ одинъ и находишься въ нашихъ рукахъ. Мы можемъ тебя убить и взять твою шашку и винтовку.

На это Буторинъ возразилъ:

— Нѣтъ, вы не можете убить меня и я васъ несколько не боюсь. Во-первыхъ, я знаю, что вы хорошие и честные люди. а во-вторыхъ, русскіе знаютъ, что я побѣхалъ къ вамъ, и если я завтра не вернусь, то они васъ настигнутъ и вы жестоко поплатитесь и жизнью вашей и всѣмъ имуществомъ.

Разсудительная рѣчь Буторина произвела впечатлѣніе, его отпустили съ выраженіемъ самой лучшей дружбы.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ Буторинымъ, отправили цѣлую сотню забакальскихъ казаковъ, съ цѣлью купить у монголовъ скота, такъ какъ быки въ отрядѣ были на исходѣ. Когда сотня подъѣзжала къ монгольскому кочевью, то замѣтила огромное число монголовъ, выстроившихся съ оружіемъ въ рукахъ. Явилось подозрѣніе, не хотять-ли они вступить въ бой. На самомъ же дѣлѣ монголы выстроились только для почетной встрѣчи.

Послѣ привѣтствій, они оказали самое широкое гостепрїимство и даже начали продолжительные разговоры, сопровождавшіеся шутками и смѣхомъ. Монголы добродушно подсмѣивались надъ лошадками верхнеудинцевъ, находя сильно утомленными и «суховатыми» (т. е. слишкомъ тощими). Они очень сожалѣли о набитыхъ спинахъ у многихъ лошадей. Не ограничиваясь пустыми соболѣзнованіями, благородные сыны степей предложили казакамъ подмѣнить набитыхъ и отошавшихъ копей на свѣжихъ, самыхъ лучшихъ изъ всѣхъ косяковъ. Сами отловили въ табунѣ лошадей и «заукрючили» ихъ (т. е. связали), помогли посѣдлатъ и Забакальская сотня была совсѣмъ освѣжена. Однако, монголы отказались продать скотъ, ссылаясь на то, что вслѣдствіе надежа у нихъ самихъ осталось быковъ мало. Правда, вслѣдствіи прошелъ слухъ, что тутъ же находился подрядчикъ на поставку мяса китайскимъ войскамъ, и что будто-бы онъ уже закупилъ у монголовъ хорошую партію быковъ. Врядъ-ли это было вѣрно, потому что, несмотря на принятые мѣры, не удалось перехватить гурты китайскаго поставщика.

Проведя нѣсколько часовъ у радушныхъ монголовъ, забайкальцы тронулись назадъ, провожаемые самыми благими пожеланіями.

И потомъ, неоднократно, при сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ Буторинъ принималъ большое участіе. Смѣтливый, расторопный и лихой какъ развѣдчикъ, Буторинъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ любимцевъ штабсъ-ротмистра Булатовича. Онъ прошелъ по Манчжуріи нѣсколько тысячъ верстъ и хорошо отслужилъ Царскую службу.

Гдѣ-то ты теперь, лихой забайкальскій казакъ? (Русскій Инвалидъ 1901 г., № 1 стр. 18—19).

Честь и слава Буторину! Русскій человекъ на томъ стоитъ: гдѣ опасность, смерть неминуемая, тутъ-то удиль свою и показать. Дай Богъ, чтобы Русская земля не оскудѣла героями и чтобы ихъ умѣли цѣнить при жизни.

Военный священникъ *Василій Ягодинъ.*

